

ЕЛЕНА
МАКАРОВА

ТАЙМ-
КОД

Самокат для родителей

Елена Макарова

Тайм-код

«Самокат»

2019

УДК 615.8:7
ББК 53.58+85.13

Макарова Е. Г.

Тайм-код / Е. Г. Макарова — «Самокат», 2019 — (Самокат для родителей)

ISBN 978-591759-834-5

У Елены Макаровой – прозаика, педагога и арт-терапевта – уже выходили в «Самокате» книги «Движение образует форму», трилогия «Как вылепить отфыркивание» и «Цаца заморская». И вот перед вами новая книга. О чем «Тайм-код»? О связи времен и взаимосвязанности событий, о разном их восприятии детьми и взрослыми, о творчестве, без которого жизнь взрослых превращается в механистическую модель. Форма коротких рассказов и эссе помогает автору сопрягать несопрягаемое. Макарова превращает читателя в соучастника ее семинаров по искусству; читая, мы ощущаем живую вибрацию творчества и иначе видим своих детей. Случаи из жизни, исследования, письма, рисунки, встречи, прочитанные книги, разговоры – все становится инструментом познания и самопознания, постижения невидимых связей, пронизывающих историческое и реальное время.

УДК 615.8:7
ББК 53.58+85.13

ISBN 978-591759-834-5

© Макарова Е. Г., 2019
© Самокат, 2019

Содержание

Настоящее продолженное	6
Кровожадная рыба Капила	6
Мысли взрослого человека спросонья	8
Супротив движения	9
Яблочный Спас вдруг и как раз	10
Дада	11
Самый маленький нуль	12
Смыслообразование	14
Ядовитые слова	16
Эвфемизм и цинизм	17
Волчок в снежинке	19
У времени есть зубки	20
Процесс и процедура	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Елена Макарова

Тайм-код

© Елена Макарова, текст, 2019

© Рина Корчминская, фото, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2019

* * *

*Пространство – куколка,
А время – мотылек.*

Инна Лиснянская

Настоящее продолженное

Кровожадная рыба Капила

Жаркими августовскими ночами меня навещают любители изящной словесности – черный мотылек и прозрачнокрылый кузнечик. Мотылек ползает по клавиатуре, нравятся ему освещенные лампой клавиши и разноцветные буквы – фиолетовая кириллица, белая латиница и желтый иврит. Какой из языков ему больше по сердцу, сказать не берусь; полагаю, иврит – он самый яркий, под цвет настольной лампы, и к тому же это язык его родины. Кузнечика привлекает экран – он читатель, а мотылек, стало быть, писатель. Пока мы с кузнечиком читаем, что нам пишут дети, которые еще не умеют писать, мотылек гуляет по буквам, однако стоит мне вознести руки над клавиатурой – и мотылек замирает на клавише *Escape*, что в верхнем левом углу. И покуда не прекратится словесная эскапада, он и крылышком не поведет.

«Эскапада» – это не роман и даже не повесть временных лет, а задания ученикам или вопросы, обращенные к детям. Пока я думаю, кузнечик расправляет прозрачные крылышки, подбирает под себя передние лапки, перескакивает с пятого предложения на десятое (он не умеет читать по порядку).

«Хоть я и взрослая, к тому же учительница, я не понимаю, что такое время. Что у него внутри? Цифры? Стрелки? Капуста? Где оно начинается? Куда уходит? Кому принадлежит? Тебе, маме, вселенной? Где оно? Пожалуйста, объясни.

Есть ли у тебя любимое место? Где оно? В доме? На улице? В космосе? А место, которое ты терпеть не можешь, – есть такое?

Пожалуйста, если у тебя есть время, расскажи, нарисуй или вылепи».

Теперь это послание увидят все, кто зайдет в тему «Что такое время и что такое место».

Пока варила кофе, трехлетняя Саша в Москве вылепила время и окропила табуретку красной краской – это и есть ее любимое место! Пока провожала взглядом медленно отчаливающую из хайфского порта многоярусную белую машину, больше похожую на многоэтажный дом, чем на корабль, семилетняя Маша в далекой украинской деревне сочинила целый трактат (записала мама).

«Время меняется и движется. У него есть подружки – секунды, они очень быстро движутся. Они живут в большом домике – в минуте. Секунды – они очень маленькие, а минута большая, поэтому они там и живут. Минуты живут в часах. У них у всех есть такая страна – „Часы, время, минуты, секунды“.

Время выходит гулять из этой страны в разные страны к нам. Секунды, минуты каждый день и каждую ночь отправляются в какую-то страну. Ведь не может быть ночь без времени?! Это же был бы ужас какой-то!

Эти минуты и секунды любят мороженое, яблоки и кашу с маслом. Но они очень-очень не любят ленивых людей, которые тратят время, чтобы лежать, смотреть мультики и не помогать. Иногда есть такие люди. Которые ленивые. Но не сильно. И у них время движется не очень быстро.

Цифры, минуты, секунды очень любят свою добрую королеву. И еще очень любят маленькую принцессу. Если тебе хочется узнать, кто у них король, королева и принцесса, я сейчас расскажу тебе. У них король – толстая длинная стрелка, королева – толстая низкая стрелка, принцесса у них веселенькая, быстро движется с минутками. Потому что минутки так же быстро движутся, как стрелка.

Король и королева очень любят разговаривать с мамами секундочек и с их папами – часами. И однажды минутки сказали стрелке: „Давай покатаемся на лодочке на речке! Там так прекрасно! Дует ветерок и красивые волны!“

Называется эта речка Сутки. В Сутках живут разные рыбы. Они очень-очень маленькие – милли-фимилли. А в самой глубине этой речки – там живет огромная рыба. И если тебе хочется узнать, кто же ест время – или крадет время, то крадет его именно эта рыба, которая живет в глубине этой речки.

Если кто-то туда поплывет, то не вернется. Когда-то туда поплыла одна минутка – и не вернулась. Всем цифрам стало подозрительно, что минутка не вернулась. И больше там не плавали. И с тех пор эта рыба очень голодная. Очень редко кто-то туда заплывает.

Рыба эта очень любит минутки – они медленные и большие.

Но еще есть у них друг, друг минуток и секундок. Он очень добрый друг. Его зовут Цветочный Осьминог. Его так зовут потому, что он очень любит цветы.

Ой, подождите! Я совсем забыла рассказать, как зовут эту рыбу, которая пожирает время: черно-зелено-красно-кровожадная рыба Капила!

Внутри времени чувства: радость, грусть... Все, что пережили люди. Время начинается нигде и кончается нигде...»

К ответу приложен рисунок.

Мысли взрослого человека спросонья

Уборщица сняла спящего мотылька с клавиатуры, раздавила указательным пальцем и выкинула в открытое окно. Это произошло в одно мгновение.

Мгновение. Точечный укол настоящего. Остальное – в прошлом.

«Время – мотылек». Уборщица убила время. Переименовать ее в Капилу.

Кстати, на ней черно-зелено-красный халат. Но она не кровожадная. Она убила мотылька просто так, для порядка.

Служанка Аделя из книги Бруно Шульца тоже любила порядок. Вместе с пометом она вымела с чердака стаю редкостных птиц, которых взрастил отец Бруно Шульца. Аделина страсть к порядку убила отца Бруно Шульца, самого же Бруно убили нацисты в его родном городе Дрогобыче. Они тоже наводили порядок.

Наведение порядка – необходимая, но небезопасная акция.

Вроде бы так много нажил всякого – склады целые, амбары, ангары, вся память заполнена, а прошлое все прибывает и прибывает. Куда его? Отсортировать? Лишнее выкинуть, важное сохранить? А что лишнее и что важное?

Со временем на этой свалке остается все меньше целых, не деформированных объектов – все спрессовывается, слипается, теряет первозданную форму. Оно и понятно, ведь настоящее мгновенно становится прошлым.

Настоящее – неизмеримо малая величина, микроскопическая точка на линии, рисующей топографию бытия, твоего единственного, уникального опыта жизнепроживания. Все прочее – дело веры.

Абрис грядущего туманен. Что будет, что нас ждет?

Да что толку тревожиться? Ведь мы не тревожимся из-за прошлого, что было, то было, назад не вернешь. Сожалеем – да, но не тревожимся. Так и с грядущим. Предопределение, в которое по-детски самозабвенно верили древние греки, снимает с нас всяческую ответственность. Живи мгновением, ибо все предрешено Мойрами – определительницей судеб Лахесой, прахой Клото и неумолимой, перерезающей нить жизни Атропой.

Евреи в старину тоже верили в предопределение, но по-взрослому. Древнееврейское предание гласит, что ребенок во чреве матери все знает про мир, но во время родов он получает удар, отшибающий память. И жизнь ему дана на то, чтобы вспомнить то, что он знал.

Думай, человек, вспоминай, не полагайся на «что будет, то будет», ищи себя.

Супротив движения

В окне едет море задом наперед, дома плывут задом наперед, история едет задом наперед. Напротив меня – парень и девушка, соединенные наушниками. Перед ними компьютер. Она слушает правым ухом, он – левым. Похоже, смотрят какую-то комедию. Одновременно смеются, одновременно стихают.

Рядом со мной старушка, одетая по-мароккански ярко, но утонченный профиль выдает в ней европейку. Смотрит во все глаза на молодых людей, улыбается, когда они хохочут, и подпрыгивает ножками, как они. Им смешно – и ей смешно.

Но тут фильм, видимо, закончился, и они уснули в обнимку.

– Раньше в поезде люди общались, а теперь ведут себя как дома, – вздохнула старушка. – Мои внуки такие же: уставятся в телефоны, жмут на кнопки и молчат, каждый в своем углу...

Мы разговорились. Старушка оказалась родом из Аргентины, куда ее родители успели перебраться из Германии. Они получили разрешение на выезд, но требовалась печать еврейской общины, а был шабат. Отец предчувствовал, что ворота вот-вот захлопнутся, и подкупил высокопоставленного еврея. Как потом выяснилось, это был их последний шанс. Тогда все решали секунды. Оказался в нужный момент на нужном месте – жив. Не оказался – мертв. Нерешительные сгинули.

Аргентинской старушке повезло. Иначе бы она тут не сидела, не было бы ни ее, ни ее внуков. А электронные игры все равно были бы.

В нежном возрасте я была захвачена книгой Михаила Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе». Дома ее сейчас не оказалось, но я науглила. Бахтин пишет, что авантурное время в первом греческом романе *«слагается из ряда коротких отрезков, соответствующих отдельным авантюрам; внутри каждой такой авантюры время организовано внешне – технически: важно успеть убежать, успеть догнать, опередить, быть или не быть как раз в данный момент в определенном месте, встретиться или не встретиться и т. п.»*

Меж тем глухонемой раздает пассажирам брошюру с картинками – по ней можно изучать язык жестов. Стоит десять шекелей. Помощь детям. Старушка покупает. Видно, она редко ездит в поезде. У меня такая есть.

За окном море. Спокойное, голубое, без единой волны. Под стать небу. Линия горизонта режет голубизну.

Читаем дальше: *«В пределах отдельной авантюры на счету дни, ночи, часы, даже минуты и секунды, как во всякой борьбе и во всяком активном внешнем предприятии. Эти временные отрезки вводятся и пересекаются специфическими „вдруг“ и „как раз“».*

Аргентинская старушка занята изучением языка немых. Прикладывает кулак ко лбу и подбородку – это значит «спасибо»; прикладывает ладонь с оттопыренными пальцами, указательным и мизинцем, к нижней губе – это значит «любовь».

Юный роман, молодая беспечная Греция. Случайности вторгаются и вершат чудеса.

Яблочный Спас вдруг и как раз

Поезд замедляет ход. Станция Атлит. Отсюда не видно главной исторической достопримечательности этого городка – лагеря для нелегальных репатриантов, существовавшего с 1939 по 1948 год. Британские власти ввели квоту на иммиграцию в Палестину, свою подмандатную территорию, – не более пятнадцати тысяч человек в год, но с началом мировой войны, понятно, число желающих резко увеличилось.

Через этот лагерь прошло сорок тысяч человек; кто провел здесь несколько дней, а кто – месяцев или даже лет. Сейчас на этом месте музей.

В 1940 году из Европы в Палестину вышел последний корабль – «Атлантик», но 1750 его пассажиров-счастливицков англичане переправили на остров Маврикий, где продержали их пять лет. Исследованием этой истории я тоже занималась ровно пять лет.

Как говорит Бахтин, *«случись нечто на минуту раньше или на минуту позже, то есть не будь некоторой случайной одновременности или разновременности, то и сюжета бы вовсе не было и роман писать было бы не о чем».*

Далее: *«„Мне шел девятнадцатый год, и отец готовил на следующий год свадьбу, когда Судьба начала свою игру“; – рассказывает Клитофонт („Левкиппа и Клитофонт“, ч. 1, III). Эта „игра судьбы“, ее „вдруг“ и „как раз“ и составляют все содержание романа».*

Мне тоже шел девятнадцатый год, и я мечтала познакомиться с Бахтиным. Как выяснилось, он жил во флигеле на территории дома творчества писателей в Переделкине, где я тогда часто бывала. Но как к нему подойти? Что сказать?

А тут подступил Яблочный Спас, и я решила принести ему на подносе красивейшие яблоки. Яблоки купила, поднос взяла в домтворческой столовой. Решила идти в пять.

Дверь открыла женщина. Я ее не запомнила. Провела меня на веранду, где сидел старик в инвалидной коляске. Бахтин! Он спросил, из пишущих ли я. Что вы, что вы, я только яблоки принесла. Женщина взяла у меня поднос и поставила на стол. Бахтин жестом предложил: приживайтесь. Что вы, что вы, я только яблоки принесла.

«Каждую минуту, каждое мгновение с человеком может произойти нечто, возможно, открывающее ему смысл существования; нечто, дающее ответ на самые мучительные вопросы бытия. Должны совпасть минуты встречи, внутренние ритмы...» – сказал философ Мамардашвили.

Хронотоп. Место – Переделкино, время – Яблочный Спас. Пожилой человек в коляске – Бахтин. Авантюрное приключение состоялось.

Дада

Достаю из рюкзака Вальтера Сернера. Маленькая книжка попугаечного цвета под названием «Манифест дада и уголовные рассказы». Имя автора я обнаружила не в публичной библиотеке, а в базе данных. Транспорт «Р» из Терезина в Ригу отбыл 20 августа 1942 года. Тысяча человек расстреляны в лесу неподалеку от станции. Сернер с женой оказался в неверный момент в неверном месте.

«Боже мой, – пишет он своему другу Христиану Шаду. – Что ждет меня впереди? Абсолютно ничего!» И правда, что могло ждать Сернера, когда его книги сжигали в костре, а жена его, Доротея Сернер, была взята под стражу за покупку спичек в «часы, запрещенные для евреев»?

«28.12.1941 в 18:30 полицейский Рудольф Долежал, служебный № 591, сотрудник транспортного отдела охраны, привел в полицейский участок на улице Краковской в Праге-2 г-жу Сернер, которую задержал на площади Виктории в Праге-2 по уведомлению инж. Адамеца. На Сернер были узкие мужские брюки, что обращало на себя внимание прохожих; она оправдывалась тем, что носит их, потому что ей холодно».

Не донеси на нее Адамец, не была бы она арестована в последний вечер 1941 года, не занесли бы их с Вальтером в штрафной список на депортацию.

«Перед тем как отойти ко сну, представьте во всех красках и с предельной ясностью последнее и окончательное психическое состояние самоубийцы...»

Да не желаю я это представлять в солнечный день, сидя в мягком удобном кресле!

«Вокруг огненного шара бешено носится комок грязи, на котором продают дамские чулки и оценивают Гогенов... Пинок – космосу! Да здравствует дада!»

Эсхатологическое веселье.

Самый маленький нуль

Семилетний дадаист прислал описание времени в рисунках.

«Время – это такое пространство. С помощью него человек может двигаться, делать все, что может, все, что ему подвластно. Ничего у него внутри нет.

Время движется, и люди узнают все большие и больше чисел. А числа уходят в такой портал. В этом портале они все сжимаются и умещаются. Когда портал переполнится, он разорвется. И числа просто вылетят и взорвутся. Люди большие не будут знать ни одного числа, даже самого маленького нуля. Все числа пропадут.

После взрыва появляется красный огненный шар. И маленький круг – лужа глупости.

Синее – это остатки портала. Это то, что человек еще знает. Но когда человек глупеет, то они становятся оранжевыми и присоединяются к оранжевому кругу.

Портал – это как черная дыра. Портал – это то, что человек думает и произносит. Музыкальные порталы – это голос человека и ум. Когда человек знает песню и начинает ее петь, то между этими порталами образуется соединяющая линия. Образуется белый портал, который и есть голос».

В поезде барахлит интернет. И все же послание из черной дыры до меня дошло.

Видимо, интернет – это раскаяние Всевышнего за Вавилонскую башню. Теперь мы все снова связаны (правда, невидимыми узами) и с помощью вавилонского бюро перевода как-то понимаем друг друга. Мало того, мы приобретаем опыт бытия в виртуальном пространстве, мы находимся там, где мы физически есть, но и там, где нас физически не существует, и это приближает нас к приятию физического небытия. Прежде на одновременное существование в разных пространствах были способны лишь пророки.

В пещере, где жил пророк Илия, я разговорилась со старым хасидом. На мой вопрос, где именно спал пророк Илия, как он сюда добирался, тот ответил, что это не имеет никакого значения. И пояснил: любавичский ребе, как всем известно, никогда не покидал Америки, однако его видели люди в Умани. Всевышний везде, и избранные им обладают той же силой.

Время жизни и время истории – космическая стыковка в параллельных мирах.

Я не стала спорить – старый хасид живет преданиями и Википедию не читает. По вере любавичский ребе мог родиться одновременно в Николаеве и в Нью-Йорке. Но в Википедии сказано, что он перебрался в Нью-Йорк, когда ему исполнилось тридцать девять лет.

– А что вы думаете про два места захоронения царя Давида? – спросила я старого хасида, и он ответил:

– Царь Давид пророком не был, но его любил Творец.

Все по воле Всевышнего: одним – общий ров, другим – по две могилы.

Смыслообразование

Аргентинская старушка вышла на станции Беньямина. Она оказалась махонькой, но с большой головой. Умная. На отрезке пути между Хайфой и Атлитом изложила принцип построения греческого романа, на отрезке пути между Атлитом и Беньяминой научилась говорить главные слова на языке глухих.

Молодые люди сладко дремали.

Я пересела на освободившееся место в другом ряду, по ходу поезда. Теперь мы не в провиофазе; все, что проезжаем, – голоствольные остролистые эвкалипты, покрытая сверкающей пленкой земля, издали напоминающая озеро, заводик с неоновой рекламой – остается за нами, в прошлом, не обрушивается противходом из будущего.

Пикнул телефон. Новости из Мюнхена.

«Детский рисунок – оказалось, эта такая интересная тема. У меня к детским творениям в последнее время возник почти искусствоведческий интерес. На прошлом семинаре, когда я делала попытки перерисовать некоторые дочкины работы (самой бы мне это не пришло в голову), увидела кучу вещей, которых не замечала раньше (например, про рисование одной линией); теперь я гораздо внимательнее рассматриваю детские работы – в них таится столько „открытий чудных“. Пробовала копировать детские рисунки, узнала много нового».

Логично. Мы ведь анализируем работы старых мастеров, почему бы не взяться за работы детей? Попробовать ухватить движение в вихре каракулей, проследовать их путем построения композиции и увидеть «кучу вещей», которых не замечал раньше?

...Сернер безучастно глядит в окно с книжного разворота. Жизнь скучна, и все попытки понять ее смысл провальны по определению, ибо нет в ней смысла.

Как-то в московской электричке, в ином пространстве и времени, я читала взятую у друзей книгу практикующего психотерапевта. В ней описывались процессы смыслообразования. Они-де проистекают в каждом, но если без Бога – то вкривь и вкось. Без Бога нет смысла искать смысл.

Пивная струя выплеснулась на книжку – мужик рядом со мной открыл бутылку зубами. Вспузырилась страница с названием – «Уникальность, полнота, свобода», расплылась дарственная надпись автора.

– Ни у кого не найдется салфетки или тряпочки – промокнуть?

Меня не услышали: в электричке шел свой спектакль, а когда ты в театре, то смотришь на сцену, а не на соседа.

– Помогите, граждане, приехали в Москву из [перечень мест]. Дети малые... Инвалид...

– Вашему вниманию предлагаются ручки в наборе с пластиковым покрытием...

– Купите книгу великого русского писателя Пунькина о великом русском историческом деятеле Петькине... написана увлекательным языком на основе глубокого изучения... ценой в сорок рублей, у нас вы можете приобрести ее за десяточку, кто заинтересуется – я подойду...

– Кто заинтересуется фломастерами фирмы [такой-то], можете попробовать их качество... Пожалуйста, дорогие пассажиры, извините за беспокойство, желаю вам приятной поездки...

– Вашему вниманию предлагаются пальчиковые батарейки фирмы [такой-то], а также насадки для шлангов распыляющие...

– Вашему вниманию предлагается мороженое с кисленькой прослойкой по цене пятнадцать рублей, а также крем-брюле...

– Граждане пассажиры, счастливого вам пути, вашему вниманию предлагаются чипсы, орешки в сахаре, шоколад по цене десять рублей и две плиточки по цене пятнадцать, шоколад высокого качества...

– Дайте пальчиковые батарейки! – тетка напротив взяла и возмутилась: – Какие же они пальчиковые? У кого это вы видели такие пальцы!

Мужик с пивом вышел, его место занял дяденька с газетой. Что же он с таким вниманием читал? Статью про некую даму, которая излечилась от всех болезней песком: год напролет его ела, камешки в нем что ягодки, с тех пор она ничего другого и в рот не берет.

Смерть – панацея от всех бед разом, но ее не ищут – ищут, как выздороветь. Хорошо, если Бог поможет, не поможет – пей таблетки, а таблетки – это химия. Песок, конечно, лучше химии, но тоже не всем помогает. Зависит и от характера человека, и от самой болезни. Одним помогают беседы – это называется логотерапия, другим домашние животные (пет-терапия) или лошади (иппотерапия), иным камни (стоун-терапия), кому-то ароматы (ароматерапия). А главная из всех терапия – это творчество, или, как сейчас говорят, креативность. В пляс бросишься – танцетерапия, запоешь – звукотерапия, порисуешь – арт-терапия.

Ядовитые слова

«Слова могут уподобляться мизерным дозам мышьяка», – пишет Отто Клемперер в книге «Язык Третьего рейха». Как нацистской Германии удалось сформировать собственные речевые шаблоны? А вот так: «Слова незаметно для себя проглатывают, они вроде бы не оказывают никакого действия, но через некоторое время отравление налицо. Если человек достаточно долго использует слово „фанатически“, вместо того чтобы сказать „героически“ или „доблестно“, то он в конечном счете уверует, что фанатик – это просто доблестный герой и что без фанатизма героем стать нельзя. Слова „фанатизм“ и „фанатический“ не изобретены в Третьем рейхе, он только изменил их значение и за один день употреблял их чаще, чем другие эпохи за годы. <...> Во многом нацистский язык опирается на заимствования из других языков, остальное взято в основном из немецкого языка догитлеровского периода. Но он изменяет значения слов, частоту их употребления, он делает всеобщим достоянием то, что раньше было принадлежностью отдельных личностей или крошечных групп, <...> пропитывает своим ядом, ставит на службу своей ужасной системе, превращая речь в мощнейшее, предельно открытое и предельно скрытое средство вербовки».

Понятно, что в Третьем рейхе «творчество» не было ходовым понятием, и мы ни в коем случае не сравниваем наше время с тем, которое описывает Клемперер. Но что правда, то правда: нормальные слова могут стать ядовитыми.

Есть слово «творец» и слово «создатель» и производные от них «творчество» и «созидание». Их общий смысл – акт свободного деяния. Это понятия сущностные, не прикладные. Как тут не вспомнить фонвизинского недоросля!

«Правдин. Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?»

Митрофан. Дверь? Котора дверь?

Правдин. Котора дверь! Вот эта.

Митрофан. Эта? Прилагательна.

Правдин. Почему ж?

Митрофан. Потому что она приложена к своему месту. Вон у чулана шеста неделя дверь стоит еще не навешена: так та покамест существительна».

Эдит Крамер, родоначальница арт-терапии, избегала частого употребления слова «творчество». Сама эта дисциплина, «покамест существительна», «приложена» к двум взаимосвязанным понятиям – «искусство» и «терапия». Переводчики книги Эдит Крамер заменили «искусство» на «творчество». Я вернула все обратно. Они согласились на частичную замену.

Причина тошнотности – в частотности.

Наш сосед, старый библиотекарь Абрам Давидович Иерусалимский, подсчитывал, сколько раз на дню произносилось имя Брежнева. По его мнению, частотность употребления имени вождя – главный индикатор состояния общества. Увы, урежения он на своем веку так и не дождался. Брежнев пережил Иерусалимского.

Есть и другие причины, помимо частотности: вседоступность слова и выражения, которое раньше было достоянием лишь определенного круга людей, понимающих в нем толк, и манипулятивность, когда слово обслуживает систему (все равно какую, кстати). В России в девяностых годах прошлого века такое случилось с «духовным возрождением», а в Америке и Европе – с «духовным сопротивлением». Опеку над первым клише взяла на себя церковь, а над вторым – гуманитарные фонды. Возрождение материальных затрат не требует, а сопротивление – требует, поскольку речь идет о воспитании нового поколения, об извлечении уроков из прошлого, создании программ для школ и вузов и прочая, прочая. Одними молитвами тут не обойтись.

Эвфемизм и цинизм

В интернатах и больницах моего детства слово «люблю» если и произносилось, то лишь с отрицательной частицей. Чувства полагалось скрывать. Никакого обнажения. Сказать «люблю» – все равно что раздеться прилюдно. Вместо «люблю» пользовались нейтральным «нравится». *«А он мне нравится, нравится, нравится, – пела Анна Герман, – и это все, что я могу сказать в ответ...»*

В интернате мы зачитывались книгой «Над пропастью во ржи» – ни сюсюканья, ни «давид-копперфилдовской мути». Нам нравился главный герой книги Холден Колфилд, который в первых строках книги заявлял, что не собирается рассказывать нам про то, как он провел свое «дурацкое детство». У нас оно тоже было дурацким, но мы не осмелились бы произнести вслух т а к о е.

После отбоя мы плакали каждый в свою подушку, а днем делали вид, что все хорошо. Мы научились носить маски.

На нашу закомплексованность новое поколение отреагировало разнузданностью. Стеснительные стали стесняться собственной стеснительности. Тушеваться, сказал бы Достоевский. Выдуманный им глагол «тушеваться» имел хождение в русской и советской литературе, но за неимением спроса превратился в анахронизм.

А ведь до Катастрофы и ГУЛАГа русский и немецкий языки были самыми богатыми по числу слов, передающих тончайшие оттенки чувств.

«После взрыва появляется красный огненный шар. И маленький круг – лужа глупости. Синее – это остатки портала. Это то, что человек еще знает. Но когда человек глупеет, то они становятся оранжевыми и присоединяются к оранжевому кругу».

Если перевести с дадаистско-детского языка на взрослый, принять большой взрыв за революцию, землетрясение или даже всемирный потоп, то и после таких тектонических сдвигов жизнь не кончается, а восстанавливается.

Что же тогда в оранжевом круге? Технический прогресс. Восстановление народного хозяйства ускоренными темпами. Людей не вернешь, а люди – это рабочая сила. Даже если всех военнопленных отправить в ГУЛАГ на работу (бесплатный труд), а инвалидов войны утопить в Северном море (лишние рты), скорейшего прогресса не добиться. Требуются умные машины и люди-роботы.

А что в голубой лужице? Душевный вакуум. На что ему синонимическое богатство? Ни ему, ни прогрессу столько слов не нужно, а трудотерапии душевный вакуум не помеха. Напротив даже.

Процесс исцеления привел к объединению Германии и распаду Советского Союза. Как говорится, голова думает, а руки делают.

Эти противофазные события, направленные на исцеление, породили «всечеловека» (тоже слово Достоевского) с пламенным умом и холодным сердцем.

Кстати, именно об этом и говорит Петер Слотердаик в «Критике цинического разума». Я прочла Слотердайку благодаря Сернеру, ему в книге посвящена целая глава.

«Существует некая незримая линия, связывающая воедино всю культуру, склонную к ненависти, в нашем столетии, – от дада до движения панков и некрофильных автоматоподобных жестов „новой волны“. Здесь заявляет о себе маньеризм злобы, дающий великому мертвому „Я“ тот пьедестал, с которого можно смотреть свысока на отвратительно-непонятный мир. Есть срочная необходимость в описании этих рефлексивных пространств в современном несчастном сознании, так как именно в них и начинается развиваться феномен фашизма...»

Великое мертвое «Я» – и живой уничтоженный Сернер. Великое мертвое «Я» – и живой уничтоженный Мандельштам. Великое мертвое «Я» – и живой уничтоженный Хармс. К именам уже известным добавляются все новые и новые. Из-под глыб, из-под руин они продолжают говорить с нами. Не «вдруг», но «как раз».

Волчок в снежинке

«Лена, какую философскую тему вы подняли! Наверное, на эти вопросы могут ответить только дети! Если даже Эйнштейн, когда к нему приставали с вопросом о времени, отделялся простой фразой: „Время – это то, что показывают наши часы“».

Оксаночка, мои часы показывают 9:55. Интересно, а какое сейчас время в Красноярске?

«Мы с ребятами на занятии много говорили о времени. Получается что-то похожее на мультфильм. А пока рисунки и домыслы.

Предложила изобразить время линией: если время – линия, то какая?

Тимур нарисовал спираль. Назвал „Волчок в снежинке“.

„Это как волчок, закручивается и поднимается, это кольца времени. Еще похоже на день и ночь, они тоже вращаются“.

Помню, в детстве я часами следила за подобным волчком и не понимала, как такое возможно, как будто бесконечная линия сама раскручивается из середины.

Мишу рассмешило про время-капусту, он за это уцепился.

„Время – это огромный заяц, внутри у него капуста, начинается время в огороде, где растет капуста, уходит время опять в огород. Время принадлежит зайцу“.

Мишина линия времени то бежит, то замедляется; замедляется там, где линия более извилиста. И еще такое время, как парад планет.

Диана сказала: „Время – это время! Оно улыбается. У времени внутри время, только маленькое. Время дружит с медведем. Они играют в догонялки: сначала время догоняет медведя, потом медведь бежит за временем“.

На подъезде к северному Тель-Авиву получаю сообщение от Сережи: «Новое стихотворение мамы, почти! Вы на одной волне!»

* * *

*Если пространство – кокон,
То время – червь шелковичный.
Тянется свет вдоль окон,
И дождик, как свет, привычный.*

*Всё в гармонии полной,
Смерть превозмог и Фауст,
И кажется формой полый
Словопримный август.*

У времени есть зубки

Тель-Авив, 10:30. Здесь еще жарче, чем в Хайфе. Лицо потное, руки липкие, голова мутная. Порталы, рыбки мулли-шмулли, черно-зелено-красно-кровожадная рыба Капила...

Время – детское, взрослое, историческое, метафизическое, но и мое собственное. Личное. Барочное, спиралевидное, штопором ввинчивающееся в историю.

Дети вне истории. Они ее не знают. Они существуют на горнем уровне мироздания, на детском Олимпе, и оттуда осыпают нас космическими метафорами.

«Время движется, и люди узнают все больше и больше чисел. А числа уходят в такой портал. В этом портале они все сжимаются и ужимаются. Когда портал переполнится, он разорвется. И числа просто вылетят и взорвутся. Люди больше не будут знать ни одного числа, даже самого маленького нуля».

А если поставить слово «история» на место «чисел» (ведь история исчисляема событиями), тогда вот что получится: «Истории уходят в такой портал. В этом портале они все сжимаются и ужимаются. Когда портал переполнится, он разорвется. И истории просто вылетят и взорвутся. Люди больше не будут знать ни одной истории...»

Формула амнезии – потери памяти. Переполнение, взрыв – возвращение к началу из ничто. Хуже вселенского потопа. Там хоть каждой твари по паре.

На вокзальных часах 10:34. Куда б ни уносила расхлябанная мысль, я везде оказываюсь вовремя.

На выходе перед станцией продают вкусный хлеб, посыпанный зернышками, зазывалы-таксисты отлавливают иностранцев. «Главное – это здоровье», – скажут они гостям и спуют двойную таксу за проезд.

Грациозные эфиопки, признанные тринадцатым коленом Израиля (с ними я поднималась по эскалатору), исчезли из виду.

«Время – это часы, минуты и секунды, внутри него миллиминуты, миллисекунды, милличасы, начинается оно на часах, заканчивается на миллисекундах, в 12 ночи, потом начинается новое время. В году 365 времен. Одни сутки – одно время».

Так рассуждает шестилетний мальчик. Видно, как он любит цифры.

«В 12:30 ночи время садится в ракету и улетает. Прячется в звезду, в солнце, залезает на лучик, спускается по лучику на солнечный шар, делает отверстие и залезает в солнце. Отверстие оно делает зубками. У времени есть зубки. Залезает в солнце и живет-проживает там сто лет, потом умирает. Когда время умирает, на солнце остаются темные пятна. Время – это история, оно никому не принадлежит».

Процесс и процедура

В небо врезаются стеклянные кубы и параллелепипеды тель-авивских небоскребов. Осталось две остановки.

Транспортные средства приближают к месту назначения, с их помощью мы перемещаемся из одной точки в другую. Эта телопортация ограничивает, а порой и вовсе лишает двигательной инициативы: ты в отведенном тебе месте, внутри закрытой капсулы машины, вагона, автобуса или самолета. Ты заложник, ты не можешь прикоснуться ни к чему, что находится за пределом капсулы.

Когда ты едешь или летишь, все, кроме тебя, подвижно. Когда ты гуляешь, подвижен ты, а все вокруг стоит на своих местах.

Есть еще и третье пространство – информационное поле интернета. Теперь оно доступно и во время телопортации.

«Накрыть хаос из дерьма и загадок сулящими спасение небесами! Упорядочивая, наполнить благоуханием человеческое дерьмо!!!»

Сернер на меня зол – после того, что с ним сотворили эти дьяволы порядка, любая попытка упорядочивания приводит его в бешенство. Надавать бы этому миропорядку по башке!

«В поте лица пишиутся философии и романы, мажутся на холсте картины, лепятся корявые скульптуры, с кряхтением вымучиваются симфонии и запускаются в оборот религии! Что за потрясающее самомнение... Все сплошь – дрянь и безобразие!!!»

Во избежание скандала не буду знакомить Сернера с Эдит Крамер. Она – за здравый смысл, за социальную миссию искусства, Сернер – против того и другого.

Эдит старенькая, в обшарпанной одежде, Сернер одет с иголочки, опирается на трость, шляпа надвинута на глаза. Пусть ждет меня в рюкзаке, пока Эдит завтракает. Она сидит за столом на фоне окна, перед ней чашка с чаем и хлеб. «Art tells the truth» – искусство говорит правду. Для успешной терапии необходим третий глаз, вдобавок к нему еще и третья рука, которая служит поддержкой: благодаря ее помощи творческий импульс выходит наружу, и вещи начинают происходить сами. Что-то вроде повивальной бабки, которая стимулирует роды, но родить за роженицу не может.

Убежденная материалистка говорит про третий глаз, мистический орган восприятия, с помощью которого буддистские божества проникают в предысторию Вселенной, видят будущее, беспрепятственно заглядывают в любые уголки мироздания.

Завзятый дадаист считает, что *«нужно раз и навсегда перестать бросать остекленелый взгляд назад, в историю!»*

История – министерия бюрократии: протоколы, даты, суммы. Сернер, доктор юридических наук, был знаком с криминальным миром. В его рассказах лишь у воров и проституток есть сердце. Главную угрозу миру он, как и юрист Кафка, видит в бюрократии, для которой нет человека, но есть досье. Известно, когда и где родились эти пронумерованные особи, как звали их родителей, какого цвета у них были глаза и волосы, какой формы губы и нос, целы ли зубы или в них есть пломбы. Опись вещей, находившихся при них и на них в момент ареста, прилагается. Первые надо было сложить в ящики, стоящие на расстрельной тропе, а вторые – снять непосредственно при подходе к яме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.